

ББК 83.3(2=411.2)
УДК 821.161.1

Т. В. Рудакова
T. Rudakova
г. Магнитогорск, МГТУ им. Г. И. Носова
Magnitogorsk, NMSTU

ОБРАЗ ПОЭТА В ЛИРИКЕ А. А. ДЕЛЬВИГА THE IMAGE OF THE POET IN A. A. DELVIG'S POETRY

Аннотация: Данная статья посвящена изучению образа поэта в романтической лирике А. А. Дельвига. Рассмотрены основные ипостаси этого образа.

Ключевые слова: Дельвиг; поэт; антология; ленивец; эпикуреец; пророк.

Abstract: This article is devoted to the study of the image of the poet in the romantic lyrics of A. A. Delvig. The main hypostases of this image are considered.

Keywords: Delvig; poet; anthology; sloth; epicurean; prophet.

А. А. Дельвиг – один из ярких поэтов-романтиков пушкинской поры, увлеченный миром античности [6, с. 34] и русской песенной культурой. В своей антологии поэт создавал особый мир, в котором жила свободная личность, ценящая простоту, естественность, безыскусность, прямоту, открытость, гармонию с миром. В античном мире Дельвига привлекали естественность и простота, безыскусность и прямоту. Идеальный мир красоты и гармонии ассоциировался у Дельвига с Древней Элладой, там поэт чаще всего искал и идеи, и образы для своей лирики.

Мир, о котором мечтал поэт, – это мир желаемых возможностей, оттого он приобретал земную конкретность: «домик простой», «горенка», в нем «скромный уют», «кусты огорода», но одновременно это мир недостижимых устремлений, что обуславливало географическую неопределенность его местонахождения. Координаты дельвиговского поэтического мира в «пространстве» и условны, и сказочны: «за далью туманной, за дикой рекой», потому он так сильно напоминал мир русских народных сказок: «В некоем царстве, в некоем государстве...». И «домик простой», и «этот домашний огород» создавали мир утопии «русского Томаса Мора» [5, с. 110], этот «тесный мирок» Дельвига предельно удален от мира действительности, от обычной людской суеты, он во многом фантастичен вследствие своей оторванности от реальной жизни.

Дельвиг утверждал идеал «умеренности» и покоя, был увлечен поисками счастья вдали от бурь и превратностей суетного света, провозглашал культ любви и дружбы, подобное стремление насладиться всеми земными радостями краткого, а от этого еще более драгоценного человеческого бытия – общая философская основа русской лирики конца XVIII – начала XIX века. Эти мотивы разрабатывались Г. Р. Державиным, Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым, К. Н. Батюшковым, Е. А. Боратынским [5, с. 110; 7; 8, с. 38–100]. В их лирике формиро-

вался традиционный образ поэта, мудрого эпикурейца, живущего на лоне природы, в кругу близких друзей, умеющего находить в любви, в своем искусстве и другом все необходимое для счастья.

В творчестве Дельвига образ свободного поэта претерпевает существенную эволюцию. В первых стихотворениях Дельвига появляется образ беспечного «ленивца», «вольного баловня судьбы», поющего «любовь и грации», прославляющего сладостное безделье в «скромном приюте».

Во многом в трактовке поэтического образа «ленивца» Дельвиг следует традиционному взгляду поэтов своего круга, для которых «поэт» и «лень» – понятия равноценные [8, с. 329]. Так, для К. Н. Батюшкова «лень» – это не праздная скука, а «... лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает или рассуждает» [1, с. 305], состояние праздности рассматривалось Батюшковым как проявление внутренней свободы [8, с. 234], «признак великого духа и доброй души».

В стихотворении «Бедный Дельвиг» (1814–1817) [3, с. 25] поэтом воссоздается собственный лирический портрет, основанный не на реальных биографических фактах, а на идеальном видении судьбы поэта, поэта-эпикурейца. Образ легкомысленного и беззаботного певца, лирического героя стихотворения вступает в скрытый конфликт с внешним миром: он устраняется от мира суетных волнений, замыкаясь в своем одиночестве, которое ему отнюдь не в тягость, более того, он благодарен судьбе, уберегшей его от пустых, разрушающих душу переживаний. Певец Дельвига, устранившись от людей, живет светлыми духовными радостями, позволяя увлечь себя мечтою и Музою – но тщеславие и корыстолюбие предельно чужды ему, он не знает тоски и живет с «леностью святой» [3, с. 25].

В стихотворении «К Евгению» (1819) [3, с. 67] Дельвиг еще конкретнее показывает удел своего певца-ленивца. Он сужает диапазон проблем. Так, он самоустранился от освещения тем широкого общественного звучания. Его лира не в состоянии «славить бранный лавр героя» (передавать экспрессию баталий) и «мирные дела судей» (отражать насущные людские заботы). И причина этого даже не в том, что возможности поэта (героя) ограничены («Мне крыльев не дано орлиных»), а в том, что сама жизнь не дает шанса найти подлинных героев и судей: «К тому ж напрасно муза ищет / Теперь героев и судей» [3, с. 67]. Среди его современников – лишь люди с «завялой душой». Подобное восприятие собственного таланта и окружающей жизни заставляет певца выбрать собственную «поэтическую нишу», он осознает, что его предназначение – это усладить слух «младой Лидии», воспевая негу чувственных удовольствий.

Хотя уже первые произведения Дельвига отличались высоким уровнем поэтического мастерства и совершенства (так, Пушкин в своей статье о Дельвиге отмечал «печать опыта и зрелости», лежащую на лицейских стихотворениях своего друга), тем не менее и Дельвига не обошли поэтические влияния, и его творчество формируется на основе сложившихся поэтических традиций. Наибольшую духовную близость Дельвиг ощущал с Державиным, которого считал своим учителем.

Именно Державин своими стихотворениями «Памятник», «Видение Мурзы», где была высказана его гражданская позиция, способствовал обращению Дельвига к мыслям о долге истинного поэта, что было отражено им в риторической оде «На взятие Парижа» (1814): «Ведай, богиня! Поэт беспристрастный / Должен пороки показывать миру, / Страха не зная, царю он вещает / Правду – не низкие лесты вельможи!» [3, с. 23].

Несмотря на то, что Дельвигу нравился Державин как поэт-гражданин, его больше привлекал Державин как певец русской природы, человеческих радостей и горестей, любви и веселья. Светлый, жизнеутверждающий тон поэзии Державина, его ясное, свободное от мистицизма восприятие жизни, умение ценить простые человеческие радости бытия органичны и в определенной мере созвучны лирике Дельвига.

Близость к поэтическому мировосприятию Державина и Батюшкова обусловили схожее отношение Дельвига к миру материальному: он, как и эти поэты, чувствует себя независимым от богатств и знати, находя подлинную радость жизни лишь в своем скромном жилище, именно в нем ощущая истинную свободу. Таковым Дельвигом показан герой – поэт: «Когда я в хижине своей / Согрет под стеганым халатом, / Не только графов и князей – / Султана не признаю братом! / («Моя хижина», 1818) [3, с. 61]».

В 1829 году Дельвиг подготовил и издал свой единственный сборник стихотворений, который предварил эпиграфом из баллады Гете «Певец», в подстрочном переводе звучащем так: «Я пою, как поет птица, живущая на ветке: песня, которая рвется из горла, – вот плата, достаточно вознаграждающая» (перевод Б. В. Томашевского).

Примечательно, что в стихотворении «Эпилог», которое завершает сборник, вновь появляется образ птицы, хотя этот образ уже конкретизируется: «Так певал без принужденья, / Как на ветке соловей, / Я живые впечатленья / Полной юности моей [3, с. 128]».

И в том, и в другом стихотворениях показан образ вольной птицы, поющей без принуждения то, что она сама хочет, образ птицы вызывает в сознании традиционную ассоциативную параллель с образом поэта, который независим, подвластен лишь вдохновению, для которого значим и ценен внутренний мир («живые впечатления полной юности моей»), и этот поэт самодостаточен (песня – сама по себе награда).

Постепенно в стихотворениях Дельвига усиливается противопоставление поэта, счастливого и гордого своим даром, порой, «грозного обличителя порока» и толпы с ее земными страстями, злобой, завистью и клеветой. Дар поэта способен возвысить его над людьми, над временем. В этом дельвиговский образ поэта приближается к образу поэта-пророка А. С. Пушкина.

Подобные черты позже проявились в стихотворениях Дельвига «Поэт» (1820) и «Вдохновение» (1822).

В «Поэте» Дельвиг говорит о том, что лирик все для счастья может найти в собственном искусстве: «В самом себе блажен поэт» [3, с. 72].

По мысли Дельвига, поэт не может позволить себе «расслабиться в неге, в счастье», он дышит свободой стихии, и когда поэт дает своей мечте «возвышенное стремление», гремит его «грозное презрение пороку», он становится выше Рока. Многие в стихотворении «Поэт» перекликается со строчками «Пророка» Пушкина.

В поэзии Дельвига встречаются понятия «Рок» и «Судьба» [2]. Судьба – то, что дано свыше, с чем нельзя спорить: «Что будет – будет! С небесами / Нельзя нам спорить, милый друг!» («К Шульгину», 1817) [3, с. 55].

И чаще всего у Дельвига судьба воспринимается как спутница поэта, счастливая и верная: «Один он с леностью живет / Блажен своей судьбою» («Бедный Дельвиг», 1814–1817) [3, с. 25], «И счастливою судьбою / Мой ларец найдут» («Утешение бедного поэта», 1819) [3, с. 64], «Завидуйте моей судьбе» («Эпитафия», 1820) [3, с. 79], «В судьбу я верю с юных лет / Ее внушения покорный / Всегда в пути моем тяжелом / Судьба мне спутницей была» («В альбом А. Н. Вульф», 1826) [3, с. 117].

Хотя судьба может быть и завистливой, даже злой, как люди – «Смертный, гонимый людьми и судьбой» («Утешение», 1826–1827) [118].

Но все же самое главное, если поэт верен судьбе, верен своему предназначению, он может читать чужие жизни, как открытую книгу: «Пока поэт еще с тобой, / Он может просто, не стихами, / С твоей беседовать судьбой, / Открытой пред его глазами» («К А.Д. Илличевскому», 1817) [3, с. 54].

В отличие от «судьбы» «рок» мощен, властен над всеми и всегда зловещ, его никак нельзя остановить. Для него жизни людей лишь «игралище», «законы ужасные пишет он паркам суровым» («Гений-хранитель», 1818–1820). Но истинный поэт может стать сильнее «рока»: «И выше б Рока был Поэт» [3, с. 73] («Поэт», 1820).

Вечный вопрос о характере поэтического вдохновения и роли поэта в обществе рассматривается Дельвигом в сонете «Вдохновение».

Исходная ситуация в сонете почти стандартна. Поэт, гонимый людьми, одинок и разочарован, но в состоянии вдохновения он равен богу и, как бог, бессмертен.

В этом сонете Дельвиг выражает свое творческое и жизненное кредо. Он утверждает важную роль в поэтическом творчестве вдохновения. Только оно делает рядового стихотворца настоящим поэтом. Вдохновение для поэта – тот краткий миг, когда он становится пророком, исполненным творческих сил, способным «говорить с грядущими веками», читающим свою нелегкую судьбу. И лишь творческое горение дает поэту силы быть твердым и мужественным в своем духовном одиночестве в великосветском обществе, позволяет смиренно, безропотно и достойно снести все насмешки, проявления недоброжелательства последнего.

Вдохновенный поэт, как творец и провидец, независим и неподкупен. Превыше всего он ставит свою честь и чистую совесть, благородство и честность.

Именно в этом видит Дельвиг духовную суть поэта, именно это, по его мнению, позволяет поэту быть выше людских наветов и кривотолков, именно это умножает его славу и делает его имя бессмертным.

Сонет «Вдохновение», как и все лучшие сонеты Дельвига, отличается четкостью композиции, гармонической стройностью, изяществом мысли, афористической отточенностью стиля, ясностью поэтического языка, он удивительно прост и поразительно свободен от незнакомых и неактуальных речевых образцов.

Идея антологической эпиграммы «Удел поэта» оказалась созвучна мыслям Дельвига, что отразилось в его рецензии на трагедию А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Истинный талант выше денег ценит свое искусство. Сколько история представляет поэтов, которые, терпя крайнюю бедность, не продавали своего таланта и, питаясь черствым хлебом и водою, не спеша, готовили для просвещенных современников и справедливого потомства яству бессмертную, нектар и амброзию, вкусную пищу древних богов и существ, не ограничивающих круг бытия своего краткою земною жизнью» [5, с. 7.]

Как в ранней, так и в поздней поэзии Дельвига поэт представал как особенный человек, который обладал даром слова, преображающим мир души человека, но если поначалу мудрость поэта была в эпикуреизме, в умении наслаждаться и описывать это для других, то в поздней лирике поэт – это певец, провидец, которому ведомо то, что сокрыто от других.

Библиографический список

1. Батюшков, К. Н. Избранная проза / К. Н. Батюшков. – М. : Сов. Россия, 1988. – 528 с.
2. Васильев, Н. Л. Словарь языка А. А. Дельвига / Н. Л. Васильев, Д. Н. Жаткин. – М. : ФЛИНТА, 2009. – 108 с.
3. Дельвиг, А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Дельвиг. – М. ; Augsburg : Imwerden, 2002. – 164 с.
4. Литературная газета. – 1831. – № 1 – 1 января.
5. Рассадин, С. Цена гармонии / С. Рассадин // Вопросы литературы. – 1972. – № 4. – С. 98–122.
6. Рудакова, Т. В. Русская античность А. А. Дельвига (о своеобразии антологической лирики А. А. Дельвига) / Т. В. Рудакова // Русская литература глазами современной молодежи : сборник материалов международной студенческой научно-практической очно-заочной конференции. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2018. – С. 34–41.
7. Рудакова, С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 103–114.
8. Рудакова, С. В. Системность художественного мышления Е. А. Боратынского – лирика : дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Рудакова. – Екатеринбург, 2014. – 555 с.